

МАЛАХИТОВАЯ ШТУКАТУРКА

СНЫ ДАНИЛЫ-МАСТЕРА

Павел Подбазовский

**МАЛАХИТОВАЯ ШТУКАТУРКА .
СНЫ ДАНИЛЫ-МАСТЕРА**

«Автор»

2026

Подбажовский П. П.

**МАЛАХИТОВАЯ ШТУКАТУРКА . СНЫ ДАНИЛЫ-МАСТЕРА /
П. П. Подбажовский — «Автор», 2026**

Слышь-ка, чего говорю. Живёт на Каменном поясе мастер-камнерез Данила Петрович. Работает с малахитом, тоскует по покойной жене, ходит в очереди и пишет письма Президенту. Ответа, знамо дело, нет. А потом ему начинают сниться сны. Особенные. Во сне к нему приезжает сам Президент, поит чиновников ржавой водой из-под крана, находит у министра коллекцию золотых огурцов, у Генерал-губернатора — золотой асфальтоукладчик, а в коммунальном подвале — золотую батарею с двадцатью секциями. Во сне справедливость есть. Наяву — всё то же. Очереди, холод, дырявая школа, суды, где весы правосудия перекошены нарочно. Данила записывает сны в старую тетрадку. Десять снов. Десять кусочков правды. И одна надежда: что кто-то прочитает и поймёт — правда, она как семя. Сегодня посадил — не обязательно завтра взойдёт. Но если не сажать — не взойдёт никогда. Уральский говор, народный юмор, узнаваемая до боли реальность. Сказка для тех, кто устал ждать справедливости наяву — и готов увидеть её хотя бы во сне.

© Подбажовский П. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

МАЛАХИТОВАЯ ШТУКАТУРКА	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой Данила-мастер получает звонок из Администрации, встречает самого Президента и поит чиновника горячей водой из-под крана	6
ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой появляются сапоги-скороходы с ветром внутри, а Данила-мастер становится ходоком по чужим снам	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Павел Подбазовский
МАЛАХИТОВАЯ ШТУКАТУРКА .
СНЫ ДАНИЛЫ-МАСТЕРА
МАЛАХИТОВАЯ ШТУКАТУРКА

«СНЫ ДАНИЛЫ-МАСТЕРА»

Автор: Павел Петрович Подбазовский

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой Данила-мастер получает звонок из Администрации, встречает самого Президента и поит чиновника горячей водой из-под крана

Слышь-ка, чего говорю.

Трудное нынче время, для простого народа то. Вот так за целый день намаешься, что потом просто с ног валишься. Усталость смертная. А если ещё по ящику, как его, Комптова насмотришься, то вообще — дело труба... Но дело не в ём.

Дело в том, что я, значит, Данила Петрович, мастер-камнерез с Каменного пояса, седьмой разряд, специалист по малахиту и прочим тонкостям, в последнее время стал замечать за собой странность. Нет, не то чтобы я с ума сошёл. Просто сны мне снятся. Особенные. Такие, что просыпаешься — и вроде бы всё как обычно, а внутри что-то болит. Как будто тебя обманули. Или ты сам себя обманул.

Но обо всём по порядку.

Два года назад, а может, три, схоронил я жену свою, Марьюшку. Тихая была, работающая. Мы с ней тридцать лет прожили, детей не дал бог, только внук Минька от сестры её дальней остался, мы его и взяли. Марьюшка болела долго. Сперва ничего, думал, пройдёт. Потом в район повёз, к докторам. А там — очередь. Запись за месяц, бумажки, талончики. Лекарь молодой, в очках, на меня даже не глянул: «Ждите, говорит, ваша очередь ещё не подошла». А Марьюшка у меня на руках всё тише становилась.

Я тогда, грешным делом, письмо написал. В самые верхи. Не знаю, зачем. Наверно, от безысходности. Ответа, знамо дело, не получил. А через две недели Марьюшка умерла. Скорая не приехала — дороги разбиты, машина в яму заехала, застряла.

С тех пор я как-то сник. Работаю, чтобы не думать. Шкатулки режу, малахит полирую, руки заняты — голова молчит. А вечером сяду, чаю пустого попью, на печь залезу и лежу. Жду.

Чего жду — сам не знаю.

Вот как-то раз, значит, пришел я с работы, устал шибко, как последняя овчинка. Сил нету никаких, с ног валюсь. Попил кой-как чайку с хлебешком и чувствую, заморился, ко сну тянет. Ну и грех сопротивляться, думаю. Лёг и сразу заснул.

Сплю я, и сны разные снятся. Есть которые приятны, даже с девицами, а есть не очень. Вот так я лежу себе тихо, никого не трогаю, значит, сплю.

И вдруг, на тебе, ни с того ни с сего — звонок. Да, да, зазвонил телефон. И это, примерно в четыре часа утра! Ну думаю, отвалите, и дальше продолжаю спать. Но нет, те, там, упорные попались! Звонят в свою дудочку, будто им за это премию платят!

«Хорошо, — думаю, — раз уж сплю, то поговорю с ними. Главное — не проснуться!»

— Алё, — неуверенным голосом говорю я в трубку, а сам думаю: главное — не показать им, что я сплю.

На том конце — бодрый голос, словно и не четыре утра, а самый разгар присутственных часов:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, — отвечаю я, а сам стараюсь заснуть ещё покрепче и виду не показывать.

— Вам звонят из Администрации Президента.

«Вот нифига себе», — думаю я, и хоть после сказанного немного занервничал, но всё равно, через силу, продолжаю спать. Думаю: не иначе, кто-то из наших, с работы, розыгрыш затеял. Вот я им завтра устрою — все стамески попрячу.

— Данила Петрович, правильно?

«Да», — думаю про себя.

— Что вы молчите?

— Да, — говорю я в трубку.

— Вы писали обращение Президенту по поводу горячей воды?

— Да, писал, — вспоминая. Писал я тогда и про горячую воду, которая стала совсем вонючая и грязная, и про дороги, и про скорую, что к Марьюшке не приехала, когда она ещё жива была — всё в одном письме выплеснул, от отчаяния. А из всего этого крика душевного — только про воду и заметили. И не дошло бы это письмо, думал я, никуда не дошло — в той куче бумаг и сгнуло. Ан нет.

— Хорошо, — сказал голос. — Вас услышали. Президент сейчас будет у вас.

И сразу в трубке раздалось: «Пи-пи-пи-пи...»

Ну думаю, надо ущипнуть себя, если сплю... Ах да, от волнения чуть не забыл — я и так сплю. Щипать себя во сне — это ж додуматься надо. Один раз попробовал — не больно совсем, а толку чуть.

«Вот же приснится», — думаю я. Как вдруг — звонок в дверь. Громкий такой: «Дзин-Дзинь!» К слову сказать, у меня такого отродясь не было, у меня звонок сроду молчал, я его лет пять как сам обмотал изолянткой, чтоб не дребезжал, а тут — заливается, как будто именно для такого случая берёт. «Дзинь-Дзинь!»

«Делать нечего, — сплю я и думаю, — нужно открывать».

Сплю я так, продолжаю, значит, это дело и во сне тихо иду дверь открывать. А коридор почему-то длинный-предлинный, и свет выключен, но при этом не темно. Наконец до двери дошел, глядь, а она уже открыта. И народец какой-то топится. И один — высокий, в ярко-жёлтом галстуке — прямо выделяется, обращает на себя внимание. Сразу видно: антеллигент и знатный господин. А запахов-то, запахов от него! Сколько разных и сразу! И все иноземные, заковыристые запахи — не поймёшь, то ли лавандой пахнет, то ли заграничным одеколоном, то ли просто деньгами, у которых, говорят, тоже свой запах есть. У нас таких отродясь не было. Подходит он, значит, ко мне, пританцовывая, будто под музыку, которую только он один слышит, и говорит важно, со значением:

— Вы, — говорит, — Данила Петрович, мастер известный. Наш Президент самолично решил разобраться в ваших делах.

Глядь на его руку — а на ней часы золотые, тонкой работы, глаз не отвесть, да с камнями самоцветными, каких во всём свете не сыщешь. «Небось, — думаю, — за одни такие часы я бы всю жизнь малахит тесал и не выручил столько». И понял я, что это сам Великий пресс-секретарь самого Президента. Страшно стало, но виду не показываю и из последних сил продолжаю спать, будто ни в чём не бывало.

Глядь — а этот господин уже по комнате моей пританцовывая расхаживает. И взгляд у него такой, будто он что-то спереть всё время хочет — то на шкатулку мою малахитовую покосится, то на чайник глазом стрельнёт.

«Ну, — думаю, — с этими надо держать ухо востро. Неровен час, унесёт что-нибудь, скажет — сувенир на память».

Вдруг чувствую — кто-то тихонько, даже по-дружески, хлопает меня по плечу. Поднимаю глаза — и вижу самого! Да, сам Президент стоит передо мной.

Оробел я пуще прежнего. Но виду стараюсь не показывать.

А Президент так по-простому, по-дружески похлопывает меня по плечу. И в глаза смотрит, а взгляд добрый и справедливый.

Пауза. Неловко. Думаю, как правильно к нему обратиться. В голове проносится: «Ваше высокоблагородие»... нет, не так... «Ваше преосвященство»... да нет, что же я так растерялся, я ж не в церкви... Стыд-то какой!

И вдруг из недр души вырвалось:

— Заступник! Отец родной! Как же...

И разрыдался... а сам всё сплю.

— Ну полно те, — сказал с улыбкой Президент. — Сейчас дело твоё решать буду!

— Я всё знаю, про воду твою и про чиновников-нечестивцев!

— А позвать мне сюда директора Департамента надзора! — грозно сказал Президент.

И в тот же миг, незнамо откуда, в одних исподниках появился этот самый директор. К слову сказать, он-то, бедняга, не знал, что мне снится, и просто спал у себя, причём, судя по виду, спал на перине не хуже княжеской. Его, как был, так и доставили к нам — даже ночной колпак с кисточкой на голове остался, и тот от неожиданности набок съехал.

— Ты что ж делаешь, нечестивец? — спросил Президент. — Ты знаешь, что горячую воду пить из-под водопроводного крана нельзя?

Тот стоит в одних подштанниках, колпак поправляет дрожащей рукой, хлопает глазами и от страха только лопочет:

— Чего изволите-с, чего изволите-с...

И вдруг, что удумал, шельма — сунул руку куда-то себе за пазуху исподней рубахи и вытаскивает малюсенькую бутылочку, не иначе — для сугреву прихватил, на всякий пожарный случай, даже во сне о своём здоровье печётся.

— Это чего? — спрашивает Президент, аж бровью повёл.

— Это-с... для дезинфекции-с... — лопочет директор, а сам бутылочку за спину прячет.

— А ну покажь!

Понюхал Президент — а там чистейший коньяк, ещё и хороший, судя по запаху, не чета той воде из-под крана.

— Ты глянь, — говорит Президент, качая головой, — себе, значит, коньячок хранишь, а людям — воду ржавую. Ну, гляди, будешь ты у нас теперь два в одном пробовать.

И ничего путного вымолвить не может директор, только колпак на нос себе от смущения сдвинул, чтоб глаза спрятать.

А Президент продолжает:

— А налейте ему испить водицы горячей! Да прямо из водопроводного крана! Он же бумаги подписывает, что сия водица для питья пригодна и является питьевой! А ну, Данила, налей-ка ему! Да не части — по-честному, полный стакан, как для дорогого гостя!

Тут уж нечего делать и рассуждать, коль сам Президент сказал. Сплю я и иду, значит, воду горячую из крана набирать. И стакан вдруг откуда не возьмись — хрустальный, да с позолотой в руках. Всё к месту. Надо сказать, водица не столь уж горяча была, сколь я её не пропускал, но вонюча и желта была изрядно — как обычно, будто из неё три раза чай уже заваривали, да не мой, а казённый.

Поставил я тот стакан перед директором департамента, а он весь в слезах и только причитает:

— Чего изволите-с, чего изволите-с...

Президент ему коротко:

— Пей! Да следом коньячком своим не заедай — сперва водицу распробуй, как для народа предписано.

А тот, делать нечего, стал пить. Маленькими глоточками, причитая, аж плечи трясутся... Фу... смотреть неприятно, а я стою, сплю и в кулак посмеиваюсь — виду-то не показываю, но внутри прямо праздник.

Смотрел на всё это Президент и вдруг:

— А ведь не ты один в этом виноват. А где же Генерал-губернатор? Как его там — Ком-потов?

«А ведь действительно, — сплю я и думаю, — прав Президент. Наш Генерал-губернатор тоже виноват».

Уж как свезло мужику-то в своё время. А начинал-то он с простых ветеринаров. Видать, хорошо знал своё знахарское дело — коровам хвосты лечил да свиньям прививки ставил — и помог кому-то важному, не иначе, самому министерскому пуделю блоху вывел. Заметили. Отправили учиться. В разных там Америках учился и получал квалификацию — по каким наукам, правда, до сих пор никто толком не знает, а по ящику всё говорит красиво, хоть ты плачь, хоть смейся. Потом, слышь-ка, к нам на Каменный пояс прислали на генерал-губернаторство. И вот, видать, в делах повседневных упустил он из виду эту проблему-то. Вишь как бывает.

И вдруг — хлоп! — является и он, родимый, тут же, рядом с директором. В халате шёлковом, а на ногах — тапки с помпонами, ровно у кота моего усы — такие же смешные. И тоже, видать, ничего не подозревал, спал себе на перине заграничной.

— А ты чего ж, Компотов, — грозно спрашивает Президент, — по ящику народу заливаешь, что модернизация на сто процентов, а горячу воду из крана, которая течет в водопроводе можно пить и наливать в кастрюли без опаски?

Генерал-губернатор аж крякнул, тапками помпонистыми затоптался и говорит, запинаясь:

— Так это, Ваше... того... статистика-с... по среднему показателю-с...

— По какому такому среднему? — рявкнул Президент. — У Данилы-мастера вода жёлтая, а у тебя, небось, из отдельной скважины бьёт, чистая, ключевая?

Молчит Компотов. Крыть нечем.

А Президент, он всё видит, и людские страдания его трогают. От его строгого взора не ускользнёт ни одна деталь... И вот уже сидят рядом на стульчике рядышком директор департамента и Генерал-губернатор — оба помятые, оба в исподнем, только у одного колпак набекрень, а у другого тапки с помпонами торчком.

— Пиши Указ! — говорит Президент своему пресс-секретарю. А у того уж невесть откуда гербовая бумага для государственных нужд в руках и ручка золотом инкрустирована с бриллиантами.

«Дорогушая, видать», — подумалось мне.

А Президент продолжает:

— Начиная с сего дня, доставлять каждое утро директору Департамента надзора чашу полную горячей водицы из-под водопроводного крана и следить, чтобы выпита она была до дна. Ежели хоть одна капля останется, сечь нещадно, по количеству оставленных капель. А Генерал-губернатору Компотову — отныне ту же водицу пить перед каждым выступлением по ящику. Прямо в прямом эфире, при всём честном народе! Пуцай народ видит, что генерал-губернатор сам пьёт то, чем хвалится!

Ох, как побледнел Компотов, аж тапки его помпонистые задрожали!

И тут вдруг заорал нещадно кот. Первый раз, второй, третий. И вы знаете, на третий — проснулся. А что, кот — он у меня заместо петухов. Да, так уж получилось. У одних орут петухи, а у других, и у меня, — коты. И ведь разбудил, чертяка, не дал досмотреть, как там Компотов в прямом эфире будет ту водицу пить.

Так я и не досмотрел энтот сон... Как потом ни старался заснуть, ничего не получилось, вот и не знаю, чем всё дело закончилось-то.

Лежу я, значит, на печи, глазами хлопаю. Сердце стучит. А на душе — странно. Вроде бы сон, а внутри что-то тепло разливается. Будто справедливость-то есть, где-то там, в мире, где президенты приезжают по первому зову и наказывают нечестивцев.

Вздыхнул я тяжело. Встал. Поставил чайник. За окном — снег, тишина. В деревне ни души. А я тут, с письмами своими, со снами, с Марьюшкой на сердце.

Подошёл к столу. Достал чистую тетрадь. Ручку нашёл — старую, с чернилами.

И написал на первой странице:

«Сон первый. Горячая водица. Слышь-ка, чего говорю...»

Кот посмотрел на меня, мявкнул один раз — и замолчал.

Это конец первой главы, а в следующей вас ждут сапоги-сороходы. Да не простые — с ветром внутри. И участковый наш, только молодой. Слышь-ка, вот так бывает, однако.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой появляются сапоги-скороходы с ветром внутри, а Данила-мастер становится ходоком по чужим снам

Слышь-ка, чего дальше-то было.

На другой день я ходил как в тумане. Первую запись в тетрадке перечитывал по десять раз на дню. И всякий раз — сердце ёкало. Вроде бы сон, а внутри тепло. Будто настоящая справедливость есть, только до неё рукой не дотянуться. Я даже на работу ходил, а сам всё думал: что же там дальше-то было? Выпил тот директор всю воду до дна али нет? А Компотов как со своим прямым эфиром управился? Небось, тапки помпонистые всё же где-то заныкал, стервец, чтоб перед камерой в приличном виде быть. Я так и не досмотрел тот сон — кот меня разбудил, нечестивец усатый.

День прошёл в этих думках. А к вечеру, когда стемнело, приключилась новая оказия. И ведь не придумаешь нарочно, истинная правда. Время сейчас такое — чего ни ночь, то театр. А может, и к лучшему. Потому что наяву-то скука смертная, одни новости по ящику, как его, Компотова, крутят, что душу выворачивают. А во сне — жизнь.

Записал я тот первый сон в тетрадку, как надумал. Тетрадка старая, обложка оторвалась, а бумага есть. Страниц двадцать, не больше. Я тогда ещё не знал, зачем пишу. Просто хотелось, чтоб не пропало. Чтоб было что перечитать. Марьюшку-то схоронил, внук Минька в школу ходит, дома тихо. А тут — хоть во сне, а справедливость.

Вечером, значит, опять умаялся я за день. Подшипники эти, знаешь, крути-верти. Спина — хоть волком вой. Выпил чашку чаю, закусил краюшкой с постным маслом, лёг и жду: что-то господин Сон мне на этот раз приготовил? И не обманул, дождался.

Только глаза смежил, чувствую — ноги куда-то несут. Сами несут, сами. Лежу я вроде на кровати, а ноги — хоп! — и уже в прихожей.

«Вот те раз, — думаю, сплю и соображаю. — Не иначе, отросли какие новые конечности. Или Марьюшкин рецепт с горчичиками на ночь всё-таки сработал, хоть я его лет пять как забросил».

А они, ноги-то, меня и не слушаются. Идут сами по себе, да так бодро, что я аж испугался: куда это меня, спящего, волокёт?

Глядь — а на мне сапоги. Да не простые, а хромовые, с рантами, с подковками, каких на базаре днём с огнём не сыщешь. И главное — не мои вовсе. У меня-то, сам знаешь, валенки драные, дырявые, кот в них зимой греется, а тут — красота неопиcуемая. И в каждом сапоге по ветру сидит. Понимаешь? Ветерок в правом гудит, ветерок в левом посвистывает, да ещё, шельмец, будто мелодию какую-то насвистывает — не разобрать какую, то ли гимн, то ли частушку. Сапоги-скороходы, вот кто такие. Настоящие, какие в старых сказках бывали.

И эти сапоги меня, значит, понесли.

Сначала по коридору — а коридор стал длинный-предлинный, конца-краю нету. Стены как в бане: кафель зелёный, пар идёт. «Не иначе, — думаю, — в котельную меня тащат, к чертям на рога, опять с водицей связано». Но сапоги мимо котельной просвистели, вынесли меня на улицу, да не на нашу, а на какую-то чудную. Дома все высокие, стеклянные, а между ними провода натянуты, и по проводам люди сидят. Сидят! Как вороны на жёрдочках. И в телефоны свои тычут, да так усердно, что один чуть с провода не свалился, но успел поймать равновесие одной рукой, а другой — телефон к себе прижал крепче ребёнка. «Ну и порядки, — думаю, — телефон дороже головы своей стал».

А сапоги мои — ходу. Несёт меня через площадь, через сквер. И вдруг — стоп. Встали как вкопанные, аж я чуть через голову не перелетел, только фуражку невидимую придержал

(хотя фуражки-то и не было, привычка одна). Стою, озираюсь. А вокруг — никого. Только посредине стол стоит, на столе — графин с водой. А над графином табличка: «Не пить. Для проверки».

«Так, — думаю, сплю я и соображаю. — Это уже знакомо. Опять с водой шутики. Час от часу не легче. Тут прям целое министерство по нельзя-пить-графинам, не иначе».

Только подумал — глядь, из-за угла выходят двое. Один — толстый, в калошах на босу ногу, при шляпе, с портфелем пузатым, да таким пузатым, что портфель, того гляди, сам по себе покатится, как колобок. Второй — тощий, в очках, весь какой-то дёрганный, в руках бумажку вертит, да так быстро, что бумажка уже дважды свернулась в трубочку и дважды развернулась сама. Увидели меня — остановились. Толстый говорит:

— А это кто такой? Не приглашённый?

Тощий залопотал:

— Да это, ваше высокопревосходительство, местный. Житель. Ходячий. Категория Б-семнадцать по классификатору несанкционированных лиц.

— А почему он в сапогах-сороходах? — толстый надулся, аж пуговица на пузе оторвалась и куда-то в кусты улетела. — Табельное имущество! По описи! Инвентарный номер сорок два дробь бэ! Верни, мерзавец!

А я стою, сплю и молчу. Сапоги мои топнули раз, топнули другой — и понесли меня обратно. Да так шибко, что только ветер в ушах свистит. И толстый этот за нами бежит, портфелем машет, кричит:

— Держи вора! Всероссийская собственность! У-у-у!

А портфель его на бегу открылся — и оттуда посыпались бумажки, все с печатями, все важные, летят по ветру, как осенние листья, только вместо «дуб» да «клён» на них написано «согласовано» да «утверждено». Тощий кинулся их собирать, за ветки цепляется, отстал совсем, а толстый бежит уже без портфеля, налегке, но всё равно кричит по инерции.

Примчали меня сапоги к какому-то крыльцу. На крыльце сидит старичок, маленький, в фартуке, сам на вид смирный, а глаза хитрые-прехитрые, будто он уже сто лет всё про всех знает и только виду не подаёт. Сапоги сами перед ним остановились, поклонились. Я даже обиделся. Мне никогда не кланялись, а сапогам — пожалуйста, ровно они тут министры, а я так, случайный пассажир.

Старичок на меня посмотрел, головой покачал.

— Ну, — говорит, — Данила Петрович. Доспался? Угнал транспорт государственной важности. Теперь тебе, голубчик, не два года, а все пять. А то и все семь, ежели с конфискацией валенок.

— За что? — спрашиваю, а сам сплю, голоса не подаю.

— А за то, — говорит, — что сапоги эти секретные. Разработаны в Институте снов при Администрации. Они народные сны собирают. Пока ты спишь — они бегают, записывают, кто что видел. А ты, выходит, шпиён. Импортный. Хотя погоди... — старичок прищурился, наклонился ко мне поближе и принюхался, будто пёс к колбасе. — А ты чем от них пахнешь-то? Малахитом да олифой? Не-е-е, шпиёны так не пахнут, шпиёны у нас всё больше заграничным одеколоном разят, как тот, знаешь, с жёлтым галстуком.

«Да какой же я шпиён, — думаю, — я ж мастер-камнерез. Седьмой разряд. Мне бы кто в жизни поверил, что я на шпиёна выучился, я и таблицу умножения-то через раз помню».

А старичок засмеялся, и лицо у него вдруг стало знакомое. Присмотрелся я — а это ж наш участковый, только в молодости. Тот самый, что протоколы на меня за пьянку писал, когда я по молодости со Степаном на Первомай перебрал. Только помоложе и без усов, а глаза те же — хитрые, всё видящие, ровно и не проспал полвека, а всё тем же взглядом смотрит.

— Ладно, — говорит старичок. — Прощаю. Но с условием. Поезди-ка ты, Данила Петрович, в этих сапогах по чужим снам. А я погляжу. Ежели справишься — сапоги твои. Ежели

нет — пойдёшь в разноски указы. По ночам, без выходных, да ещё и премию с тебя вычтут за перерасход казённых сапог.

Делать нечего. Сплю я и соглашаюсь.

Сапоги меня и понесли. Нырнули под землю, как кроты, да так глубоко, что я успел испугаться — не в преисподнюю ли часом. Потом вынырнули — и я в чужой квартире. Слышу — храп, да такой богатырский, что стёкла дребезжат. Лежит мужик, здоровенный, борода лопатой, спит — и снится ему, что он на коне скачет. И конь у него белый, и лента через плечо, и шашка боевая. А в руке — не шашка, а швабра, самая обыкновенная, жёлтая, из хозяйственного магазина, ещё и ценник с неё не отклеен. И он этой шваброй орду какую-то рубит, да с таким остервенением, будто это не орда, а вся его квартальная отчётность разом. И кричит:

— Пиииите воду горячую! Она всю заразу вымывает! А кто не пьёт — тот пособник орды!

Тут я не выдержал — заржал прямо во сне, аж сапоги мои притормозили от неожиданности, будто и сами удивились такому зрелищу. А мужик как услышал смех — обернулся, погрозил шваброй в мою сторону и, не приходя в сознание, гаркнул:

— А ты кто таков, что ржёшь? Диверсант! Держите его, он воду пить не хочет!

Еле сапоги ноги унесли, честно скажу.

Следующий сон. Женщина спит. Молодая, красивая, уж больно хорошо одета — даже во сне в норковой шубе, видать, боится, что кто-нибудь во сне же и украдёт. И снится ей, что она министр культуры. Сидит в высоком кресле, на голове корона из канцелярских скрепок, да таких огромных, что похожа больше на терновый венец, только офисный. Вокруг неё пляшут маленькие человечки с дирижёрскими палочками. И она им командует:

— Не то пляшете! Надо с душой! С божественной искрой!

А человечки плачут и говорят:

— У нас искры нет, нам зарплату не платили три месяца, у нас даже палочки казённые, инвентарный номер выцарапан, того гляди опишут и заберут вместе с искрой, если бы она была.

— Ну так найдите искру внутри себя! — не унимается министерша. — Искусство требует жертв!

— Мы уже пожертвовали зарплатой, — говорит один человечек, самый смелый. — Может, хоть вы пожертвуете шубой?

Тут министерша аж подскочила в кресле от возмущения, корона из скрепок набок съехала, и я, признаться, думал, сейчас начнётся тут государственный переворот местного разлива. Но сапоги мои, ушлые, поняли, что дело пахнет керосином, и рванули дальше от греха подальше.

Следующий сон, самый короткий — заглянул я мельком, сапоги едва притормозили. Спит какой-то дядька в полосатой майке со звездами, в красной бейсболке, а снится ему, что он стоит на трибуне и всему залу торжественно вручает грамоту... самому себе. И зал ему хлопает, и он сам себе хлопает, и даже, кажется, сам себе цветы дарит. Я так удивился, что и сказать ничего не успел — сапоги уже дальше понесли, а дядька так и остался вручать себе очередную грамоту, уже вторую по счёту, судя по стопке на трибуне.

Тут сапоги мои закрутились, заплясали — и понесли меня обратно. Вынесли на то же крыльцо. Старичок сидит, ухмыляется, а в руках у него уже кружка чая — видать, время скоротал, пока я по снам мотался.

— Ну что, — спрашивает, — посмотрелся?

«Насмотрелся, — думаю. — Аж тошно. Хотя про швабру и орду — смешно, врать не буду».

— А теперь, — говорит, — выбор за тобой. Либо ты это всё забываешь и живёшь, как жил. Холодную воду пьёшь, горячую ругаешь. Либо... — тут он подмигнул, да так хитро, что я аж отшатнулся, — становишься ходяком. Будешь по снам ходить, правду носить. Туда-обратно. Только это, Данила Петрович, работа опасная. В чужих снах всякое бывает. Иной раз такое

увидишь, что потом неделю продрыхнуть не сможешь. А иной раз — такое, что министру культуры лично шубу придётся вернуть в казну, ежели ты за правду болеть начнёшь.

Хотел я ответить, да тут — бах! Прямо у меня под ухом. Это кот мой, рыжий черт, со шкафа уронил кастрюлю, да не просто уронил, а с таким расчётом, чтоб она аккурат об пол грохнулась в самый неподходящий момент — специально он, что ли, тренируется? Я и проснулся. Лежу, глазами хлопаю, а сам босиком. Сапогов-то и нету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.